

ПОЭЗИЯ

Игорь Бурикин

ЭДИМ и ГОМОРРА

превращения на воздушных путях

ТАКАЯ ЦЕРКОВЬ

х х х

Легка как лань ибо пуглива больше
чем лань

моя возлюбленная

к морю скачут холмы
в которых поконится ее тело

влюбленным взглядом можно прилеплять
крылатый и богатый тенью куст
увитой облаками головы
к поднявшейся над морем
голой скале -
и груди

нет, их нельзя
они же маленькие

маленькие бодливые луны
синие как теплые голуби
на краю неба под полным солнцем
в пламени торчащих сосцов

о в ногах у тебя Рыба
на высоких бедрах Весы
и ужасная Дева
в твоем рожденьи!

х х х

Ноги твои образуют высокий вход
в узкое продолговатое тело
живота
в котором все любимо наошунь

я хочу в тебя еще глубже
я хочу поцеловать тебя в сердце
я хочу увидеть какая
чуткая рука твоя твоя шея
как растут изнутри наружу
подымая мне навстречу светильник
твоего лица из темницы
будто звездное небо тела
в поле трав и родимых пятен

как она проводит по вспухшей
исподземной гвоздику рта
как скользит по линии носа
прикрывая провалы глаз
ты устала устала птица
и со лба переходит в небо
оставляя земле земное
и в дыхании близость рай

ты такая какую Церковь
я хотел бы просить у Бога
может быть мы так и уснем
и услышим как плодоносит море
может быть мы так и умрем
и не будем больше думать о смерти!

х х х

Вся ты желанна
моя возлюбленная
и пятна твои- родимые
напоминают в любви о смерти

особенно одно
такая крупная драгоценность
над правой грудью
украдут тебя вместе с ней

кому оно казалось поцелуем
другого в сладком полуумраке первых
твоих ночей тот оказалось не был
так уж не прав не понимая только
кого другого. все вопросы Богу.

отмечена ты среди прочих женщин.
и любит тебя Отец

х х х

Больше ты чем мать и отец
умерший рано, в твои-то годы
когда в четырнадцать у меня
не было месячных, но уже я знала
что при этом чувствуют женщины
и мужчины - как беспричинное
беспокойство, как страх что память
о рождении

о мой больше
больше ты чем Мать и Отец!

не потому же
и в полноте полуденного света
я чувствую в себе луну
как нарождающийся от тебя плод

о в ногах у тебя Рыба
на высоких бедрах Весы
и ужасная Дева
в твоем рожденьи!

ОНА ПЛАЧЕТ

1

Небо стягивает синевой как в глубоком
поцелуе. Гроза будет.
Или так разойдется.

Отчетливая линия холмов
кончается в расплывчатом море
как волнистая линия твоих ног
в неизвестности: чего она хочет —
тянется вздрагивает уходит
и чуть не плачет.

Как тепло от того что вокруг прохладно.
Желание оставляет меня и возвращается
как море что возвращается через небо
в отчетливую линию холмов.

2

Голуби у тебя в лице
целуются через перегородку
носа. Но открытым устам
пробежал похотливый светло
серый заяц кроня веснушками
глянув, как в бездну, вниз
который идет вверх...

Ты идешь на меня
грозовой гробовой тучей.

3

Ночное небо со звездной картой
каллет на темном камне
вынутое отвесно
в синем глубоком небе.
Странствующий подсолнух
зреющий как покойник

ослабевающий в течу.

Только дорога круче.

В траве блестит созвездие ручья.

Ты прокричала.

И птица над нами берет верх.

4

В твоих белках округлилось небо

В твоих губах лежит берег моря

В твоих веснушках ищет солнце

В твоем дыхании близость рая

И почему ты еще не плачешь?¹

Мне не понятно

5

Ночь стгадила холмы.

Теперь все кошки черны.

Не ходила бы ты одна

долго в этих зарослях сна.

Желтая кругится луна,

жуткая скользит по хребту,

не отрывая глаз.

И не открыть твоих.

Назонничек броедает в дрожь.

Отвердевает в орбите столб,

пробует кочергой

в угольях желтизну.

Смертной росью выходит в пот,

что растворил алмаз,

скрытое желанье земли.

Вот укусит тебя в зрачок.

Не открывай глаза.

Вместе уйдем внутрь.

С грохотом и трусом холма

кончил холодильник и провалился

в полную тишину.
В море утробный звук.
Водорослевый смрад стену
воздвигает на твоем берегу.

Солено и сладко с гнильцой
дышит остаток ночи
в утренний сон. И тучи
застят лицо в горах.

6

То-то расплакалась я с утра.
И было мне, было тринадцать лет.
И показалось, что спит сестра
рядом, которой нет.

Низкие белые облака
переползают в окошке холм.
Кут синевы в глубине белка
светится из-под небесных лож.

000

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ МОЯ ИЗ ТЬМЫ

1

Возлюбленная моя из тьмы
тлена и пламя!

Плотное пламя твоя нежность
Знамя над тобою любовь

Падающий в тебе взмывает
Бабочкой колотится тело
как в припадке в твоей среде.
Я теряю сознание и переходу в смятение

2

Как же мне еще подхватить
жалкий мой, родной, это тело
павшее как птица с полета
в лаждущую влажную землю.

От него осталась лишь тяжесть
оттиском на ткани желанья.
Я ли не твоя плащаница.
Унесу укрою упьюсь им,
выпью до последнего вздоха
сладкой потаенной гортани.

Ты сама не знаешь как одиноко
бренное желанье твое в ночи.
Ты ничтожна моя возлюбленная.
Я хочу, хочу твоей смерти.

Твой жар тяжелый разбудил меня.
Ты растлевашь меня желанием.
Шепотом течет воскресенье.
И юбка на тебе горит.

3

Сладкий мазок ничто
жалит на дне тебя.
Где же твои зачем.
Что же теперь еще?

Что же ты душа не покоялась.
И Святого Духа во мне не держишь.
Все вокруг тебя эфиопы
куда не глянешь.

В складках течет жерло.
Что-то они кричат.
Как из гранита тьмы
зубы у них торчат.

4

Лучше солнечного луча
ласки твои на остывающем теле.
Поползновение твоих пальцев
проникает во тьму ребер,
называет вслух имена
сотканных в утробе животных.
Ангельская членораздельность:
я пришла к тебе вот за этим.
И находит такие струны
на бедре что и мертвый взводет
сладко и скочит!

5

Лучшие мысли приходят после
неизвестные куда и откуда
возникают поют уходят
в облаке сознания тают
осязают как рукоять
шут моисеева жезла
а схватить не могут
у ты змей
и я чувствую в себе позвоночник!

ИЗ АНТИПОДОВ
к превращениям на воздушных путях

ПРИВЕТСТВИЕ НА ПЕТЕРБУРГСКУЮ ШКОЛУ

Гениальная Леночка Шварц и великий Кривулин
Бронзовеющий за них Бобылев.
И ничей по интуиции Чайгин.
С зеленою обернуты что дамы.
Только всех объемлет Охапкин!

Километры пусть пеняют на метров.
За двумя Соснорами Скульпнер.
Кузмину чтобы ни дна-ни покрышки.
Половина Аполлона Кузьминский.
На износе член руки, пуще носа.
За лебядкинскую песнь капитана.
За воскреснувших в одежде из мертвых
Гумилева, а потом Аронзона!

Тут же и меня похоронят.
Мандельштам. Ахматова. Пушкин.
Павловск. Сологубовка. Веймарн.
И другие по окрестностям: Здравствуй,
школа пожилая, петербургская!
Сверхдержавинскую флейту предместьй
уходивший недалекого Данта
выронил Бродский.

Б. Шварц

Господи осталось костей
постучать во славу твою,
семени- развеять что плоть
в поучение путей не Твоих.

Только душа тать
смотрит в свою ночь
вьется в себе без форм
бездествует косится на память .

Разори ю Господи
глубиной твоей голубиной

выверни ю уютную
утлую во юдоли

Словом что у юродивой
меч обоядоострый

Ты пройди ю столпом огненными!
убо пред Тобой она- дева.

х х х

Господи что за звук
да среди бледна дня
в зубы ему глядит
бездествующий мой ум

Господи поди кгб
мне уж ведет попа
дабы не исполать
тварное исповесть

ежели Ты хочешь чтоб я
слушал по гроб очей
варварские tolki про немцев
посреди немых и глухих

ежели Ты хочешь чтоб я
был у Тебя верный свидетель
как поползет Китай
из манихейских недр

есели Ты хочешь чтоб я
употребил мой век
в этой Твоей россии.
силу Ты мне Святости дай!

000